РУССКІЙ МУЖИКЪ.

Шесть человѣкъ крестьянъ убираютъ у помѣщика подвалъ, укладываютъ зелень, коренья; седьмой стоитъ съ фонаремъ на свѣтломъ мѣстѣ, у самыхъ дверей. Люди, повидимому, отдыхаютъ, или кончили работу; на дворѣ перепадаетъ дождь; всѣ стоятъ, облокотившись на заступы, кирки и зѣваютъ на Божій свѣтъ. Еще мужикъ подъѣхалъ съ возомъ соломы къ подвалу, проситъ зрителей пособить ему свалить; ни одинъ не отвѣчаетъ, не трогается съ мѣста. Тотъ кричитъ, бранится, спрашиваетъ ихъ разъ десять: аль вы оглохли? Наконецъ, плюнувъ, сваливаетъ самъ кой–какъ солому на–земь, выворотивъ возъ, и уѣзжаетъ. Приходитъ староста: «Что–де вы, дураки, чего глядите, солома перемокнетъ, что не таскаете въ подвалъ?»

— А намъ что? вишь еще *нарядъ* не пришелъ; тамъ двоихъ нарядили солому таскать.

— Да вы–жъ чего сложа руки глядите? а? чтобъ перемокла солома, да послѣ все перегноить? О, да вотъ я васъ....

Шестеро принялись не–хотя убирать солому; седьмой все еще стоитъ съ фонаремъ. — «Ты что, оселъ, глазѣешь?» — Чего? — ничего. — «Да чтожъ ты, свинья этакая, не пособишь скорѣе солому перетаскать?» Да вишь, у меня фонарь въ рукахъ! — «А нешто приросъ онъ, что ли, у тебя къ рукамъ? а на что ты зажегъ свѣчу? ослѣпъ, что ли? погаси ее, поставь фонарь, да пошелъ, помогай!»

Солома убрана; староста ушелъ за бариномъ. Двое по наряду теперь только пришли убирать солому, стоятъ на дождѣ, снявъ шляпы, и чешутъ головы; шестеро, стоя въ дверяхъ подвала, перебраниваются съ ними; седьмой, вынувъ изъ фонаря огарокъ, мажетъ имъ усердно сапоги свои. Самъ баринъ приходитъ посмотрѣть, что сдѣлано; съ нимъ староста. — «Ну, это все

хорошо — а вотъ это такъ никуда не годится; это глупо: для чего ты, Феклистовъ, обрѣзки зелени и кореньевъ всѣ свалилъ на песокъ? вѣдь теперь тебѣ ихъ опять перемывать придется!»

У помѣщика было заведено, что кромѣ сухой и квашеной зелени и кореньевъ, всѣ обрѣзки и оборки овощей солились, и солень эта шла для приправы, въ людскія щи; это приваръ хорошій.

Староста почесалъ голову, оглянулся на другихъ ребятъ и сказалъ: да на что ихъ мыть…?

— Какъ на что? развѣ ты такъ, съ пескомъ, и будешь ѣсть, какъ свинья?

— Никакъ нѣтъ; оно бы конечно можно, власть ваша, батюшка; — а не то, такъ ребята говорятъ, хоть бы ее и вовсе пожалуй не солить…. вѣдь квашенина есть….

— Какъ такъ? кто жъ это говоритъ?

— Да и всѣ то же говорятъ; да оно, власть ваша, сударь — я такъ только—что сказалъ милости вашей. — Примолвка эта показывала, что сметливый староста самъ

началъ догадываться, что онъ крѣпко заврался.

— Это что ты, Феклистовъ, совралъ? развѣ у насъ впервые такъ было заведено? а какіе щи, скажи мнѣ, лучше, на одной квашенинѣ, или съ прибавкой солени?

— Да, оно извѣстно, конечно, съ соленью щи, какъ–будто послаще будутъ, повкуснѣе.

— Такъ что же? стало–быть, вамъ лѣнь собрать обрѣзки въ одно мѣсто, свалить ихъ въ чанъ, да посолить? ихъ лучше, не–бось, затоптать подъ ноги? а?

Помѣщикъ беретъ старосту Феклистова за чубъ; староста, высокій, здоровый и догадливый мужикъ, становится на колѣни, чтобы барину сподручнѣе было управляться, затѣмъ баринъ раскачиваетъ голову Феклистова во всѣ стороны слегка, безъ сердцовъ, спокойно, и читаетъ ему длинное наставленіе, какая польза вообще отъ овощей, какъ они поддерживаютъ здоровье крестьянъ, которые безъ нихъ иногда сидятъ на одномъ хлѣбѣ; напоминаетъ ему, какъ мужики сначала ни

за что не хотѣли разводить картофеля, называя его чортовымъ яблокомъ, какъ дворня въ застольной кидала его подъ столъ и тѣшилась тѣмъ, что его и собака не ѣстъ, — а какъ потомъ, черезъ годъ, нельзя было уберечь грядъ, таскали картофель сырой, неспѣлый, изрывали по ночамъ гряды, какъ свиньи, выкопавъ на гривну, а изгадивъ на рубль; припоминалъ ему, какъ въ сосѣдней деревнѣ, и въ другой, и въ третьей, была та же возня, и какъ теперь тамъ крестьяне всю зиму ѣдятъ въ похлебкѣ картофель; указалъ на разницу пищи, между порядочными хозяйственными крестьянами, у которыхъ водится всякая всячина — и упрямыми дураками, которые, подъ предлогомъ недосуга, не хотятъ разводить огородовъ, потому—что у отцовъ и дѣдовъ ихъ огородовъ не было, — и лучше согласны сидѣть на мякинѣ, чѣмъ приняться за разводку овощей. — Во все это время помѣщикъ поматывалъ головой старосты кругомъ, противъ солнца, и хозяинъ головы этой, попавъ разъ въ ладъ и мѣру такого однообразнаго движенья,

предупреждалъ его безъ труда, забѣгалъ головою впередъ, такъ–что рука помѣщика почти слѣдовала за головою старосты, а не водила ее. Девять человѣкъ зрителей стояли спокойно и слушали, улыбаясь, довольно пристально, что говорилъ помѣщикъ.

— Ну, понялъ ли ты все, что я тебѣ говорилъ, Феклистовъ?

— Понялъ, батюшка, какже не понять?

— Разскажи же ты мнѣ теперь все это.

Феклистовъ началъ разсказывать по–своему, все еще стоя на колѣняхъ; говорилъ съ убѣжденіемъ и съ увѣренностію — иногда только немного сбивался, и помѣщикъ, подравъ его, какъ бы шутя, за чубъ, поправлялъ и заставлялъ переговаривать снова.

— Хорошо. Скажи жъ мнѣ: въ первый разъ ты все это отъ меня слышишь?

— Нѣтъ, батюшка Степанъ Денисычъ, не въ первый, много слышали мы добра отъ вашей милости.

— Разсуди жъ ты теперь самъ меня съ собою, кто правъ, кто виноватъ?

— Я, батюшка, виноватъ, извѣстное дѣло.

— А за что же я, дуракъ, объ тебя руку въ плечѣ вымололъ?

— Виноватъ, батюшка Степанъ Денисьевичъ, глупость наша все это дѣлаетъ — и поклонъ въ ноги.

— А еще ты сказалъ мнѣ, что всѣ такъ думаютъ, какъ ты; правда ли это ребята?

— Нѣтъ, батюшка, никакъ нѣтъ, нѣтъ — отвѣчали въ голосъ всѣ зрители.

— За что же ты — а еще староста! — оговорилъ по–напрасну другихъ? а? Вотъ такъ вы всегда дѣлаете: одинъ выйдетъ изъ кучи, кричитъ за всѣхъ, увѣряетъ, что всѣ за одно, всѣ–де такъ говорятъ, всѣ такіе жъ дурни, какъ и онъ, а тѣ стоятъ развѣсивъ уши, разинувъ рты, да слушаютъ; подайся я на пустословіе твое, такъ бы и точно можетъ–быть всѣ за тобой; подери я тебя за чубъ, да припомни тебѣ, что и какъ было говорено и сдѣлано прежде — всѣ отъ тебя прочь, а ты остался въ дуракахъ одинъ.

— Такъ батюшка, Степанъ Денисычъ, истинно справедливо!

Мужики разошлись по другимъ работамъ, и весь день только и было толку о томъ, какъ баринъ въ подвалѣ мололъ старостой песокъ, и говорилъ объ овощахъ, о солени; всѣ обвиняли старосту и соглашались, что баринъ правъ.

Что же вы думаете, многіе послѣдовали въ домашнемъ хозяйствѣ этому примѣру, убѣдившись въ справедливости совѣтовъ помѣщика и въ пользе разводки овощей? Ни одинъ; толковали только о томъ, кабы Господь уродилъ побольше хлѣбца; а что будутъ ѣсть они, коли хлѣбецъ не уродится — объ этомъ рѣчи не было.

Сидятъ во вторникъ на святой недѣлѣ крестьяне, съ бабами, дѣвками, ребятами, на заваленкахъ; святая была ранняя, только–что земля отошла; день тепленькой; всѣ въ нарядной одеждѣ, а праздновали святую плохо, потому–что едва дотянули животы до весны; урожай былъ больно

скуденъ; полдеревни ѣли барскій хлѣбъ, да барскій картофель.

— Эхъ–ма! братцы, сказалъ одинъ, подергивая плечами, на которыя накинулъ сверху синій кафтанъ свой — эх–ма! вотъ когда–бъ сѣять — такъ сѣять.

— Да, самая бы пора, подхватилъ другой, сочная земля стала, отошла вся!

— Чтожъ дѣлать станешь — власть Господня!

— Таки вотъ сердце радуется, какъ выйдешь за околицу: два дождичка послалъ Господь — сверху припекло землицу — рыхлая, мягкая — мокрота вся впилась, внизъ ушла — такъ бы вотъ, кажись, самъ легъ да глыбой укрылся, выросъ бы, ей–Богу выросъ!

— Какъ–быть, стало, такъ Богу угодно. Дастъ хлѣбца, такъ дастъ, хоть и на той недѣлѣ посѣемъ; а не дастъ, такъ не дастъ. Все во власти Господней.

— Оно вѣстимо такъ; да вотъ, какъ не дастъ Богъ дождя–то, опять не станетъ хлѣба, коли милости Господней не будетъ, да солнышко пойдетъ тебѣ припекать

пашню, да сушить во всю недѣлю, да и на той недѣлѣ тоже — такъ вотъ брать тогда хлѣбъ, у кого есть, хоть не носи въ овинъ сушить, а въ землю пожалуй кинь — все одно, высохнетъ, и ростка не дастъ тебѣ ни одного.

— Эка дура выросла на селѣ — право дура! а еще мужикъ называется! вотъ тебѣ бы для праздника всѣмъ міромъ намять затылокъ, какъ слѣдуетъ, такъ не сталъ бы впередъ молоть, что на языкъ ни попало! Ну, что толковать пустяки, горло драть, ровно на облавѣ? Что жъ ты теперь что–ли пахать да сѣять пойдешь, на святой недѣлѣ?

— Пахать.... кто говоритъ пахать теперь.... про это нечего говорить, что пахать.... я говорю, что вотъ, хоть на людей сошлюсь, объ этаку пору самая бы благодать; что земля, вишь, сырая, а не то, чтобъ теперь пахать да сѣять; кто тебя зоветъ? Господь съ тобой, я тебя не звалъ пахать; извѣстное дѣло, кто жъ пойдетъ о такую пору — чай не на то далъ Господь святую недѣлю. Вотъ, что Богъ дастъ, развѣ на Ѳоминой....

Такимъ образомъ крестьяне наши просидѣли на заваленкахъ всю недѣлю, опоздали посѣвомъ, вспоминали круглый годъ, какая–де на святой пора была для посѣва! эхъ, какая земля рыхлая, да сочная была! тужили, что Господь Богъ опять не далъ урожая, почесали головы, похлопали руками о бока — и полѣзли къ зимѣ на печь, да на полати.

Хлѣбъ вздорожалъ; мужики промышляютъ, кто чѣмъ можетъ; большею частію возятъ въ ближній городъ дрова. Пошолъ въ господскій лѣсъ, срубилъ первое встрѣчное дерево, раскололъ его, навалилъ на дровни, что лошадь сможетъ поднять, а остальное бросилъ; пусть лежитъ — много его растетъ въ лѣсу, на нашъ вѣкъ станетъ. Но между–тѣмъ Осипъ Мохнаевъ, тотъ самый, который стоялъ въ подвалѣ съ фонаремъ, лежитъ всю зиму на печи и тужитъ, что скоро де хоть плачь, совсѣмъ ѣсть нечего! Съ нимъ, видите, случилась бѣда: онъ купилъ было прошлаго года лошадку, и добрая была кляча, да неразумный малый, не доглядѣлъ, какая

бѣда попалась ему въ руки; спасибо, знакомый барышникъ надоумилъ; — онъ, пощупавъ хорошенько загривокъ у лошади, спросилъ: гдѣ ты, братъ Осипъ, купилъ ее? — А вотъ тамъ и тамъ. — Ну, братъ, жаль тебя, а ты съ нею знаешь до какой бѣды доживешь! — А что? — Да вѣдь она у тебя двужильная! — Полно, свать! — Ей–Богу, двужильная; что я, обманывать, что ли, тебя буду? На вотъ, хоть самъ пощупай, хоть людямъ покажи, кому хочешь — вонъ — вишь?

И сторонніе мужики подступили, такіе, которые были по–старше, по–смышленѣе, да знали дѣло; и тѣ пощупали, то одинъ, то другой, помотали головами — говорятъ: точно, двужильная и есть; о одинъ изъ нихъ, для окончательнаго доказательства, ударилъ еще пѣгаго ногою въ брюхо и обручалъ двужильнымъ чортомъ.

Двужильная лошадь для русскаго человѣка бѣдовая вещь; вы знаете — а не знаете, такъ я вамъ скажу, что коли двужильная лошадь падетъ у кого на рукахъ, а не дай Богъ на дворѣ, такъ

другою хоть не обзаводись, не напасешься; большая милость, коли только *двѣнадцать* лошадей сряду въ заднія вороты, да за околицу вывезешь, а на тринадцатой вся напасть покончится; таки, что ни дѣлай, какъ только новокупка на дворъ — такъ и припасай подъ нее дровни: гляди, черезъ недѣльку, другую и нѣтъ, и растянулась. На дворъ она въ переднія ворота, а со двора въ заднія.

Осипъ видитъ, что дѣло плохо; нечего дѣлать, упросилъ барышника взять лошадь, да куда–нибудь на сторону сбыть. А пожалѣлъ–таки сердечный Осипъ пѣгаго своего, работящій былъ конь. Продавъ его кой–какъ рублевъ за 30, хоть самъ и далъ за него 50, купилъ на нихъ хлѣбца, да ужъ и сидѣлъ дома, и ѣлъ въ тихомолку съ семьей, да тужилъ, что надъ нимъ сталась было такая бѣда — и благодарилъ Бога, что барышникъ его надоумилъ. Хлѣбца покупалъ онъ по–маленьку, не по–многу вдругъ; видѣлъ онъ самъ, что дорожаетъ хлѣбъ не по днямъ, по часамъ — да какъ же можно на всѣ деньжонки вдругъ купить

его? Лучше ужъ такъ, тянуться съ недѣльки на недѣльку. Доѣвши наконецъ третій и послѣдній десятокъ рублей своихъ, или съѣвши пѣгаго мерина совсѣмъ, съ хвостомъ и съ головою, Степанъ говоритъ: ну, теперь хоть волкомъ вой, нечего ѣсть; надо идти къ барину, пусть кормитъ, какъ хочетъ, мы его. «Да, что ты на работу нейдешь?» — А куда тутъ пойдешь — Господь вѣдаетъ; лошадки нѣтъ теперь, работать не на чемъ — и дровецъ не на чемъ привезти — вотъ и сиди на печи. Вотъ, говоритъ, про этакой случай, оно и слава Богу, какъ не послушаешься барина, трубы не поставишь; черна изба, такъ хоть тепло держитъ; а какъ бы я теперь, въ ней зиму-то дома просидѣлъ, безъ хлѣба, безъ дровъ, а трубу бы вывелъ.... бѣда, пропалъ бы совсѣмъ! — Теперь хоть затянешь, да укутаешь ее кругомъ — и сидишь.

Есть въ деревнѣ этой кузнецъ; онъ хлѣба почти не сѣетъ, такъ, малость,

только для славы. Съ мужиковъ ему поживы немного, этимъ бы не изворотился — да деревня не совсѣмъ въ глуши стоитъ, а нѣтъ, нѣтъ, да все–таки какой–нибудь проѣзжій навернется и придетъ, да поклонится кузнецу, чтобъ перетянулъ шину. Вотъ ему и хлѣбъ: поработаетъ съ полчаса, перекалитъ шину въ одномъ мѣстѣ, да, не рубивши, не сваривши, опять надѣнетъ, размочивъ хорошенько ободъ, либо подсунувъ мѣстахъ въ двухъ похитрѣе щепочку; проѣзжій, сколько не бранится, принужденъ повѣрить кузнецу, что вѣку не будетъ этой шинѣ — и заплатитъ ему синенькую — либо еще и красненькую; коли шина эта и не дойдетъ до городу, такъ ужъ не станетъ же тотъ опять съ дороги посылать назадъ, въ деревню, а пошлетъ въ городъ. — Извѣстно, у проѣзжихъ этихъ уже таковъ обычай, что все впередъ ѣдутъ, а не назадъ. А коли де сердиться захочетъ тамъ, въ чистомъ полѣ, такъ это его воля; на это, говоритъ кузнецъ, запрету нѣтъ.

Есть и хорошій плотникъ въ деревнѣ, вотъ весной онъ въ господскомъ саду бесѣдку построилъ; только баринъ больно привередливъ, такъ ужъ все самъ надъ нимъ стоялъ и указывалъ. Напримѣръ: Кузьма положилъ фигурный наличникъ на косякъ двери, и пришиваетъ его гвоздемъ. — Стой, кричитъ баринъ, стой, развѣ не видишь, что дѣлаешь? Криво!

«Это ничего, сударь, закрасится.»

Есть и бочаръ; и главное искусство его, на которомъ онъ всегда благополучно выѣзжаетъ — это *замачивать* деревянную посуду: покуда въ водѣ стоитъ, не течетъ. На замочкѣ у него все держится и въ этомъ вся сила; обо всякой же неисправной вещи онъ говоритъ: разсохлась; только замочить, такъ ей вѣку *не будетъ*.

Народъ вообще въ деревнѣ этой былъ порой не одинаковъ; какъ нанесетъ повѣтріемъ: то смиренъ, то съ норовомъ. Напримѣръ баринъ приказалъ старостѣ,

чтобъ ни одинъ мужикъ и ни одна баба не смѣли держать свиней, овецъ и телятъ въ жилой избѣ, а чтобъ къ зимѣ у всѣхъ были теплыя закуты, на что и отпустить имъ лѣсу. Староста три недѣли кричалъ съ мужиками, а потомъ пришелъ доложить барину, что мужики *не согласны* на это. Баринъ спросилъ старосту: въ своемъ ли онъ умѣ? Этотъ вопросъ озадачилъ Феклистова и онъ взялся за голову, сперва правой рукой, а тамъ лѣвой, и старался разрѣшить вопросъ этотъ, зарывая пальцы, какъ можно глубже, въ космы. — Развѣ я спрашивалъ у нихъ согласія? Отвѣчай, Феклистовъ, и не гляди на меня столбнякомъ — посылалъ, что ли, я тебя собирать согласіе?

— Нѣтъ, сударь, про это нечего и говорить; за этимъ дѣломъ не посылали.

— А коли не посылалъ, такъ на что же ты принесъ мнѣ то, чего мнѣ ненужно?

— Эка, подумаешь, кака притча сталась — проговорилъ Феклистовъ про себя, потупивъ глаза въ землю: онъ и самъ не понималъ теперь, какъ-же-де это

сталось, что пришелъ онъ и сталъ говорить путно, а какъ только сказалъ, выпустивъ слово — выходитъ безтолково; посылали меня за однимъ, подумалъ онъ, а я принесъ другое, а казалось все одно....

— Такъ поди же, другъ ты мой любезный, и не дѣлай впередъ дѣла по–своему, а по–моему; согласія я не спрашивалъ, и его мнѣ не нужно, а чтобъ закуты были.

Міръ разсудилъ, что баринъ правъ и потому, хотя и нехотя, и безъ согласія, да сталъ однако жъ понемногу выводить скотъ изъ жилыхъ избъ.

Но не всегда и не все обходилось такъ мирно; бывали и другіе примѣры. Настала весна, послѣ зимы, о которой мы говорили, и мужики, протолковавъ цѣлую зиму между собой о томъ, что вотъ–де крещатовскимъ легче, они всѣ на оброкѣ, у нихъ нѣтъ барщины, вздумали также идти на оброкъ. Всѣ толки шли объ этомъ на такомъ основаніи, будто дѣло это вполнѣ отъ нихъ зависитъ, а не отъ барина. На третій день святой приходятъ всѣ они гурьбой на

барскій дворъ, смирно, тихо, не пьяные, потому–что въ деревнѣ кабака не было — и засылаютъ стариковъ вызвать барина. Баринъ выходитъ, думаетъ услышать что–нибудь путное, и слышитъ, ни съ того, ни съ сего, отпустите насъ на оброкъ. Доказавъ имъ безтолковость этой просьбы, въ короткихъ словахъ, онъ хотѣлъ было узнать, откуда эта выдумка взялась — но вмѣсто того слышитъ только одно и тоже настойчивое и безотчетное требованіе; никакое убѣжденіе не дѣйствуетъ; крестьяне объявляютъ наконецъ положительно, что они, такъ же точно, какъ и крещатовскіе, хотятъ платить по 30 руб. съ тягла, а на барщину не хотятъ. — Воля ваша, мы передъ вашей милостью согрубить не смѣемъ, да только ужъ вы насъ отпустите; мы противъ вашей милости, батюшка Степанъ Денисьичъ, идти не можемъ, а ужъ только вы насъ на оброкъ отпустите; мы не желаемъ на барщину ходить, а на оброкъ согласны. — Съума, что ли, вы сошли? кто же будетъ тутъ землю пахать, кто хозяйничать? Ужъ про–то не

знаемъ, кто останется, поработаетъ, на это воля ваша; а насъ, батюшка, отпустите. Убѣдить ихъ нельзя было ни чѣмъ: потолковавъ еще долго, помѣщикъ сказалъ имъ положительно, что не отпуститъ и ушелъ.

Всѣ крестьяне собрались идти въ городъ къ исправнику.

— Ступайте жъ, коли такъ, сказалъ спокойно Степанъ Денисьичъ, разсудивъ, что надо иногда русскому человѣку помирволить и этимъ его проучить; ступайте къ исправнику, а я васъ провожу. Гурьбой крестьяне отправились въ городъ; вся деревня просится у исправника на оброкъ; а баринъ велѣлъ заложить свою бричку и обогналъ ихъ уже на пути. Онъ отыскалъ исправника, предупредилъ его во всемъ, и самъ ожидалъ свою ватагу. Дорогой крестьяне поободрились; имъ казалось, что они правы кругомъ и чуть не святы; они сговорились не поддаваться, не уступать, требовать оброку.

Исправникъ собралъ ихъ передъ дворомъ своимъ, выслушалъ и сталъ

толковать имъ, что они видно–де рехнулись; что оброкъ или барщина зависитъ отъ помѣщика, а не отъ нихъ, и что имъ требовать ни того, ни другаго нельзя. — Слушаемъ, батюшка, былъ отвѣтъ — да, воля ваша, ужъ мы на барщину не пойдемъ. — А коли такъ, сказалъ исправникъ, такъ я васъ выведу на барщину. Ты, говорунъ, поди–ка сюда первый — а за тѣмъ и другой, и третій, и такимъ образомъ человѣкъ десятокъ на выборъ, тутъ же на мѣстѣ были наказаны. — Ну, еще, что ли, есть охотники, спросилъ исправникъ, такъ выходите сюда скорѣй, мнѣ некогда! Мужички мои всѣ гурьбой повинились, согласились безпрекословно, что они затѣяли вздоръ, увѣряли, что это и въ первый и въ послѣдній, и другу, и недругу закажутъ; что, домой пришедши, даже ребятъ всѣхъ пересѣкутъ, пусть–де помнятъ отцовскую вину и глупость и сами на нее глядя казнятся; обѣщали идти безпрекословно на барщину, и сдержали слово; поблагодаривъ за науку, отправились

они чинно домой, вышли на утро въ поле и жили впередъ со Степаномъ Денисьичемъ въ ладахъ и въ дружбѣ.

Разскажу еще про Старую и Новую Болвановку — да и полно. Новая выселилась изъ Старой лѣтъ тому 50, а земля, разумѣется, числится, по генеральному межеванію, за Старою. Зимой мужики мои сидятъ смирно въ берлогахъ своихъ, никто ни о чемъ не думаетъ и не тужитъ, коли хлибушка есть. Но какъ-только солнышко сгонитъ снѣгъ и овражки въ полѣ заиграютъ, а равно и осенью, подъ первую пашню, два раза въ годъ, идутъ дѣлить поля. Со Старой и Новой Болвановки, народъ весь собирается вмѣстѣ, по человѣку со двора и дѣлежка идетъ, на лужайкѣ у веселаго кружала, дня два или три. Идутъ напередъ въ кабакъ, со стариками, вспрыснуть землю; кричатъ, шумятъ, горланятъ, толкуютъ, попрекаютъ другъ друга и сердятся за то, что случилось годъ и два и пятъ лѣтъ тому назадъ, или что еще можетъ случиться; припоминаютъ за кѣмъ, когда и какая была земля, чѣмъ

она лучше или хуже другой, и всякій считаетъ себя обиженнымъ. Наконецъ, идутъ къ *шапкѣ*, къ жеребью; а вынувъ жеребьи, накричавшись и набранившись еще разъ вдоволь, да выпивъ еще по одной, кто съ горя, кто съ радости, смотря по долѣ, которая ему досталась, отправляются на весь день на поля. Поля обширны, раскинуты на 27 верстъ, не нарѣзаны ни на десятины, ни на осьминники, а просто на загоны, ширины и длины произвольной и не одинаковой, а какъ гдѣ пришлось. По жеребью каждому мужику достанется поле мѣстахъ въ трехъ; потому–что песчаная, болотная, кустистая и тучная земля, для уравнительности, дѣлятся вся порознь. Идетъ первый размѣнъ, мужики стараются мѣнять загоны такъ, чтобы они у каждаго пришлись поближе, вмѣстѣ; кто даетъ придачу, кварту или двѣ вина, кто вымогаетъ просьбами, да шумовствомъ, кто бранью, и нерѣдко дѣло доходитъ до драки. Это длится также дня три. Такимъ же порядкомъ дѣло идетъ осенью и двѣ рабочія недѣли изъ году вонъ, двѣ недѣли

самаго дорогаго и нужнаго времени, котораго послѣ иногда ни чѣмъ нельзя вознаградить. Иные упускаютъ весной цѣлую недѣлю сряду, если не могутъ сойтись въ размѣнѣ и потому не рѣшаются пахать. Затѣмъ идетъ еще другой размѣнъ: жителю Старой Болвановки досталась земля подъ Новою, а жителю Новой — подъ Старою. Кто успѣетъ размѣняться — ладно; кто нѣтъ, такъ пашетъ и сѣетъ въ двадцати верстахъ....

Это все была изнанка, а вотъ погодите, покажу и лицевую сторону.